

Футурологический конгресс

Автор:

Станислав Лем

Футурологический конгресс

Станислав Герман Лем

Эксклюзивная классика (АСТ)

Чем надо поливать луга, чтобы от солнечных лучей из травы образовывался творог, и почему не стоит принимать от незнакомых девиц предложение «дрябнуть в субботу на притирочку»?

Как оскорбил Ийона Тихого в лучших чувствах профессор Тарантога и чем отличается «оседлый» ученый от «кочующего»?

Почему не стоит опасаться роботов-мазуриков и каков текст потрясающего хита «Лишь кретины и каналы ненавидят гениталии»?

Каков лучший способ борьбы с демографическим взрывом – уговоры, судебные приговоры, деэротизация, принудительная целибатизация, строгая изоляция или старая добрая кастрация?

И вообще – что день грядущий нам готовит?

Книга, без которой не существовало бы трилогии «Матрица».

Книга, впервые опубликованная в далеком 1971 году и оказавшаяся почти неправдоподобно пророческой.

Станислав Лем

Футурологический конгресс

Роман

Stanislaw Lem

Kongres futurologiczny

© Stanislaw Lem, 1971

© К. Душенко, перевод, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Футурологический конгресс

Восьмой Всемирный футурологический конгресс открылся в Костарикане. По правде говоря, я не поехал бы в Нунас, если бы не профессор Тарантога: он дал мне понять, что там на меня рассчитывают. Еще он сказал (и это меня задело), что астронавтика стала, в сущности, бегством от земных передраг. Всякий, кто сыт ими по горло, удирает в Галактику, надеясь, что самое худшее случится в его отсутствие. И в самом деле, возвращаясь из путешествий, особенно в прежние годы, я с тревогой выискивал в иллюминаторе Землю – не уподобилась ли она печеной картофелине. Поэтому я не очень-то сопротивлялся, а только заметил, что не разбираюсь в футурологии. И в насосах мало кто разбирается, возразил Тарантога, однако все мы кидаемся к помпам, услышав: «Течь в трюме!»

Правление Футурологического общества выбрало Костарикану потому, что темой конгресса был демографический взрыв и меры борьбы с ним, а Костарикане принадлежит мировой рекорд по темпам роста населения; предполагалось, что это удвоит эффективность нашей работы. Правда, злые

языки называли иную причину: в Нунасе наполовину пустовал новый отель корпорации «Хилтон», между тем на конгресс, кроме самих футурологов, ожидалось столько же журналистов. Теперь, когда от отеля не осталось камня на камне, я, не боясь обвинений в рекламных захваливаниях, могу со спокойной совестью утверждать: «Хилтон» был превосходен. Моя оценка имеет особый вес: ведь по натуре я сибарит, и лишь чувство долга иногда заставляло меня предпочесть комфорту каторжный труд астронавта.

Над плоским пятиэтажным цоколем костариканского «Хилтона» возвышались еще сто шесть этажей. На крышах уступов здания размещались теннисные корты, бассейны, солярии, дорожки для картинга, карусели, служившие одновременно рулетками, тир (где можно было стрелять по манекенам, изображавшим кого угодно, на выбор, – спецзаказы выполнялись в течение суток), а также раковина открытой эстрады с установками для опрыскивания слушателей слезоточивым газом. Мне достался сотый этаж, откуда я мог созерцать лишь иссиня-коричневую изнанку смога, нависшего над столицей. Кое-что из гостиничного инвентаря меня озадачило – например, трехметровый железный прут в углу ванной комнаты, маскхалат в платяном шкафу, мешок сухарей под кроватью. На яшмовой стене ванной, рядом с полотенцами, висел моток настоящей альпинистской веревки, а вставляя ключ в дверной английский замок, я заметил небольшую табличку: «Дирекция гарантирует, что в этом номере БОМБ нет».

Теперь, как известно, ученые делятся на оседлых и кочующих. Первые по старинке что-то исследуют, вторые разъезжают по всевозможным конференциям и конгрессам. Кочующего ученого легко распознать: на груди у него карточка с фамилией и ученой степенью, в кармане – расписание авиарейсов; подтяжки у него без металлических пряжек, портфель – на пластмассовой защелке, а то, чего доброго, завоет сирена устройства, просвечивающего пассажиров в поисках кинжалов и кольтов. Научную литературу такой ученый читает по дороге в аэропорт, в залах ожидания и гостиничных барах. По понятным причинам я был не в курсе последних достижений земной культуры и спровоцировал сигналы тревоги в аэропортах Бангкока, Афин и самого Нунаса, а все потому, что во рту у меня шесть стальных коронок. В Нунасе я хотел заменить их фарфоровыми; увы, непредвиденные события этому помешали. А насчет сухарей, прута, веревки и маскхалата один из футурологов-американцев снисходительно разъяснил мне, что гостиничное дело в нашу эпоху требует неведомых ранее мер безопасности. Каждый такой предмет повышает выживаемость постояльца. На эти слова я по легкомыслию должного внимания не обратил.

Заседание было назначено на вторую половину дня, и уже утром мы получили полный комплект материалов конгресса – превосходно изданных и со множеством приложений. Особенно радовали глаз отрывные купоны из глянцевого плотной бумаги со штампом «Копуляционный талон». Научные конференции тоже пострадали от демографического взрыва; популяция футурологов растет столь же быстро, как и все человечество, так что конгрессы проходят в сутолоке и спешке. О чтении докладов с трибуны и речи быть не может, знакомиться с ними нужно заранее. Утром, однако, было не до того, поскольку хозяйева пригласили нас на коктейль. Эта скромная церемония обошлась почти без приключений, только делегацию США забросали тухлыми помидорами. Не успел я поднять бокал, как Джим Стэнтор, знакомый журналист из ЮПИ, сообщил, что на рассвете похищены консул и третий атташе американского посольства в Коста-Рике. В обмен на дипломатов похитители-экстремисты требовали освободить политзаключенных, а пока, чтобы подчеркнуть весомость своего ультиматума, присылали в посольство зубы заложников, один за другим, грозя эскалацией насилия. Впрочем, этот инцидент не нарушил дружественной атмосферы приема. Присутствовал лично посол США, произнесший спич о необходимости сотрудничества между народами; правда, выступал он под охраной шести плечистых парней в штатском, которые держали нас на мушке. Мне, признаюсь, стало как-то не по себе, а тут еще, на беду, стоявший рядом темнокожий делегат Индии, которого мучил насморк, полез в карман за платком. Как впоследствии убеждал меня пресс-секретарь Футурологического общества, примененные средства были необходимыми и гуманными. Охрана вооружена автоматами большого калибра, но малой пробойной силы, такими же, как у охраны пассажирских самолетов, и посторонние ничем не рискуют – не то что раньше, когда пуля, уложив террориста, прошивала еще пять-шесть ни в чем не повинных людей. И все же не слишком приятно, когда сосед, изрешеченный пулями, падает к вашим ногам, даже если это обычное недоразумение, которое исчерпывается путем обмена дипломатическими нотами.

Впрочем, вместо того чтобы рассуждать о гуманной баллистике, мне следовало бы объяснить, почему я так и не успел просмотреть материалы конгресса. Во-первых (подробность малоприятная), пришлось спешно менять окровавленную рубашку; к тому же завтракал я, вопреки обыкновению, не у себя, а в гостиничном баре. С утра я привык есть яйца в мешочек, а гостиница, где можно получить их прямо в постель целехонькими, с нерастекшимся желтком, пока не построена. Дело тут, разумеется, в непрерывном разрастании столичных отелей. Если от кухни до номера полторы мили, ничто не спасет желток от

взбалтывания. Как я слышал, эксперты «Хилтона», занимавшиеся этой проблемой, единственным выходом признали сверхзвуковой лифт, но sonic boom – грохот при прохождении звукового барьера – в замкнутом пространстве отеля привел бы к разрыву барабанных перепонок. Конечно, кухонный автомат мог бы доставлять прямо в номер сырые яйца, которые у вас на глазах автокельнер варил бы в мешочек, но отсюда недалеко и до собственного курятника в номере. Вот почему утром я пошел в бар.

Девяносто пять процентов обитателей гостиниц составляют ныне участники конференций и съездов. Гость-одиночка, турист-индивидуалист без опознавательной карточки на лацкане и без портфеля, распухшего от ученых бумаг, стал редок, как черный жемчуг. Одновременно с нашим конгрессом в Костарикане проходила конференция молодых бунтарей группировки «Тигры», конгресс Ассоциации Издателей Освобожденной Литературы, а также Общества филуменистов. Обычно делегатам-коллегам достаются соседние номера, но мне в знак особого уважения дирекция выделила апартаменты на сотом этаже, поскольку здесь имелся пальмовый сад с женским оркестром, исполнявшим концерты Баха; попутно оркестрантки совершали коллективный стриптиз. Без этого я, пожалуй, мог бы и обойтись; к сожалению, свободных номеров уже не было – пришлось довольствоваться тем, что дают. Едва я уселся в баре, как широкоплечий курчавобородый сосед (по его бороде я мог, не хуже чем по меню, прочесть, что он ел на прошлой неделе) сунул мне прямо в нос массивную, с окованным прикладом, двустволку и, радостно гогоча, осведомился, какого я мнения о его папинтовке. Я не понял, о чем он, но предпочел не показывать виду. Молчание – лучшая тактика при случайных знакомствах. И правда, он тут же с готовностью объяснил, что скорострельный двуствольный штуцер с лазерным прицелом – идеальное оружие для охоты на Папу Римского. Болтая без удержу, он достал из кармана помятую карточку; на снимке он изготовился к выстрелу – мишенью служил манекен в круглой шапочке, какие носят кардиналы и папы. Бородач, по его словам, как раз достиг своей лучшей формы и отправлялся в Рим на церковные торжества, чтобы застрелить Его Святейшество на площади Святого Петра. Я несколько ему не поверил, но он, не умолкая ни на минуту, показал мне: авиабилет, карманный трезник и памятку для американских паломников, а также пачку патронов с крестообразной головкой. Из экономии билет он взял лишь в одну сторону, не сомневаясь, что разъяренные пилигримы растерзают его на куски. Мысль об этом, похоже, приводила его в превосходное расположение духа.

Сперва я решил, что передо мною маньяк или профессиональный экстремист-динамитчик, каких в наше время хватает. Ничуть не бывало! Захлебываясь

словами и поминутно сползая с высокого табурета – ибо его двустволка то и дело падала на пол, – он объяснял мне, что сам-то он истовый, правоверный католик; тем большей жертвой будет с его стороны эта операция («операция П», как он ее называл). Нужно взбудоражить совесть планеты, а что взбудоражит ее сильнее, чем поступок, столь ужасающий? Он, мол, сделает то же, что Авраам, согласно Писанию, хотел сделать с Исааком, только наоборот: не сына ухлопает, а отца, к тому же святого, и явит тем самым пример высочайшего самоотречения, на какое только способен христианин. Тело он обречет на казнь, душу – на вечные муки, а все для того, чтоб открыть глаза человечеству. «Ну-ну, – подумал я, – не многовато ли развелось желающих открыть нам глаза?» Его филиппика не убедила меня, и я пошел спасать Папу, то есть сообщить кому-нибудь об «операции П»; но Стэнтор, который встретился мне в баре на семьдесят седьмом этаже, даже не выслушал меня до конца и, в свою очередь, рассказал мне, что в подарках, преподнесенных недавно Адриану XI делегацией американских католиков, оказались две бомбы с часовым механизмом и бочонок, наполненный не вином для причастия, а нитроглицерином. Равнодушие Стэнтора стало понятнее, когда я узнал, что экстремисты прислали в посольство уже целую ногу – неизвестно лишь чью. Впрочем, его позвали к телефону, и наша беседа оборвалась; кажется, на Авенида Романа кто-то поджег себя в знак протеста.

В баре на семьдесят седьмом этаже атмосфера царила совершенно иная, нежели у меня наверху. Здесь было полно босоногих девиц в сетчатых блузках до пояса, некоторые – при шпагах; у многих косички прикреплялись, по самой последней моде, к медальону на шее или к обручу, утыканному гвоздиками. Кто они были, филуменистки или секретарши Освобожденных Издателей, не знаю; судя по цветным фотографиям, которые они разглядывали, речь скорее шла об Освобожденной Литературе. Я спустился на девять этажей ниже, к своим футурологам, и в очередном баре пропустил рюмку с Альфонсом Мовеном из агентства Франс Пресс. В последний раз попытался я спасти Папу, но Мовен, выслушав меня со стоической выдержкой, только промычал, что месяц назад какой-то пилигрим-австралиец уже стрелял в Ватикане, хотя и с совершенно иных идейных позиций. Мовен рассчитывал на интересное интервью с неким Мануэлем Пирульо, которого разыскивали ФБР, Сюрте, Интерпол и десяток других полицейских служб. Этот субъект основал фирму услуг нового типа, выступая в роли эксперта по покушениям с применением взрывчатых веществ (отсюда его псевдоним «Бомбардир»), и прямо-таки козырял своей безыдейностью. Нашу беседу прервала рыжеволосая красотка в чем-то вроде кружевной ночной рубашки, продырявленной автоматными очередями, – как выяснилось, связанная экстремистов; ей поручили провести репортера в их штаб-

квартиру. На прощание Мовен вручил мне рекламную листовку Пирульо. Настала пора, говорилось в ней, покончить с эскападами безответственных дилетантов, которые динамит не отличают от мелинита, а гремучую ртуть – от бикфордова шнура; в эпоху узкой специализации нелепо кустарничать, пренебрегая помощью добросовестных и квалифицированных специалистов. На обороте помещался ценник услуг в валюте наиболее развитых стран.

Профессор Машкенази вбежал, когда футурологи начали стекаться в бар, бледный как смерть; его била нервная дрожь, он кричал, что в номере у него бомба с часовым механизмом. Бармен, привычный, как видно, к таким происшествиям, не раздумывая, скомандовал: «В укрытие!» – и нырнул под стойку. Однако вскоре гостиничные детективы установили, что это всего лишь розыгрыш: в коробку из-под печенья кто-то из футурологов засунул обыкновенный будильник. Шутник, похоже, был англичанином, они обожают такие practical jokes[1 - розыгрыши (англ.)]. Впрочем, инцидент тут же предали забвению, ибо явились Дж. Стэнтор и Дж. Г. Хаулер, репортеры ЮПИ, с текстом ноты правительства США относительно похищенных дипломатов. Нота была составлена на обычном дипломатическом языке, и ни зубы, ни нога не назывались в ней прямо. Джим сказал, что правительство может решиться на крайние меры. Стоящий у власти генерал Аполлон Диас склоняется к мнению «ястребов» – на насилие ответить насилием. На заседании (правительство заседало непрерывно) было предложено нанести контрудар, то есть вырвать у политзаключенных, выдачи которых требуют экстремисты, по два зуба за зуб и – поскольку адрес их штаб-квартиры неизвестен – послать эти зубы до востребования. В экстренном выпуске «Нью-Йорк таймс» обозреватель газеты Сульцбергер взывал к человеческому разуму и солидарности. Стэнтор под большим секретом сообщил мне, что Диас конфисковал принадлежащий правительству США поезд с военным снаряжением; он шел транзитом через Костарику в Перу. Экстремисты еще не напали на мысль похищать футурологов, что, с их точки зрения, было бы вовсе не глупо: ведь в тот момент футурологов в Костарике насчитывалось больше, чем дипломатов. Впрочем, стоэтажный отель – организм до того огромный и столь комфортабельно изолированный от всего света, что вести извне доходят сюда словно с другого полушария. Пока что футурологи не проявляли ни малейших признаков паники; никто не штурмовал бюро путешествий отеля – желающих немедленно вылететь в Штаты или другую страну было не больше обычного.

На два часа был назначен банкет по случаю открытия, а я не успел еще переодеться в вечернюю пижаму; итак, я поехал к себе, а потом, задыхаясь от спешки, спустился на 46-й этаж, в Пурпурный зал. В фойе меня встретили две

прелестные девушки в одних шароварах (их бюсты были расписаны незабудками и подснежниками) и вручили сверкающий глянец проспекта. Не взглянув на него, я вошел в пустой еще зал; при виде накрытых столов у меня перехватило дыхание. Не потому, что они ломались от яств, нет – шокировали формы всех закусок без исключения; даже салаты имели вид гениталиев. Обман зрения полностью исключался, ибо невидимые глазу динамики грянули популярный в определенных кругах шлагер: «Лишь кретины и каналии ненавидят гениталии, нынче всюду стало модно славить орган детородный!» Появились первые гости, густобородые и пышноусые, впрочем, люди все молодые, в пижамах или без оных; а когда шестеро официантов внесли торт, то при виде этого непристойнейшего в мире творения кулинаров стало окончательно ясно: я ошибся этажом и попал на банкет Освобожденной Литературы. Сославшись на то, что потерялась моя секретарша, я поспешил улизнуть и спустился на этаж ниже, чтобы перевести дух в подобающем месте; Пурпурный зал (а не Розовый, куда меня занесло) был уже полон.

Разочарование, вызванное непритязательной обстановкой приема, я, насколько мог, скрыл. Горячих блюд не было, к тому же из огромного зала убрали все кресла и стулья, дабы гости питались стоя. Пришлось проявить необходимую в таких случаях ловкость, чтобы пробраться к тарелкам с наиболее существенным содержимым. Сеньор Кильоне, представитель костариканской секции Футурологического общества, очаровательно улыбаясь, разъяснял неуместность кулинарных излишеств: ведь темой дискуссии будет, в частности, грозящая миру голодная катастрофа. Нашлись, разумеется, скептики, утверждавшие, что обществу просто урезали дотации, отсюда и бережливость устроителей. Журналисты, по роду занятий вынужденные поститься, шныряли по залу в поисках интервью со светилами зарубежной прогностики; вместо посла США прибыл всего лишь третий секретарь посольства, с мощной охраной, один во всем зале – в смокинге (бронированный жилет трудно укрыть под пижамой). Гостей из города, как я слышал, подвергали досмотру, и в холле будто бы уже высились горы изъятого оружия.

Первое заседание было назначено на пять вечера, оставалось достаточно времени, чтобы отдохнуть, и я снова отправился на сотый этаж. После пересоленных салатов хотелось пить, но баром моего этажа прочно овладели динамитчики и бунтари со своими девицами, я же был сыт по горло беседой с бородатым папистом (или антипапистом). Пришлось ограничиться водой из-под крана. Не успел я допить стакан, как в ванной и обеих комнатах погас свет, а телефон, какой бы номер я ни набирал, упорно связывал меня с автоматом, рассказывающим сказку о Золушке. Спуститься на лифте не удалось: он тоже

вышел из строя. Из бара доносилось хоровое пение молодых бунтарей; те уже стреляли в такт музыке, хотелось бы думать, что мимо. Подобные вещи случаются и в первоклассных отелях, хотя утешительного тут мало; но что удивило меня больше всего, так это моя собственная реакция. Настроение, довольно скверное после беседы с папским стрелком, улучшалось с каждой секундой. Пробираясь на ощупь и опрокидывая при этом стулья, я только кротко улыбался в темноту, и даже колено, разбитое в кровь о чемоданы, ничуть не уменьшило моей благосклонности ко всему на свете. Нащупав на ночном столике остатки второго завтрака, который я заказал в номер, я вырвал из программы конгресса листок, свернул его, воткнул в кружок масла и зажег. Получилась коптящая, правда, но все-таки плоская; при ее мерцающем свете я уселся в кресло. У меня оставалось два с лишним часа свободного времени, включая часовую прогулку по лестнице, ведь лифт не работал. Мое душевное состояние претерпевало странные метаморфозы; я следил за ними с живым интересом. Мне было на редкость весело, просто чудесно! Я с ходу мог бы привести массу доводов в защиту всего, что со мною случилось. Мне было ясно как дважды два, что номер «Хилтона», погруженный в кромешную тьму, в чаду и копоти от масляной плоской, отрезанный от остального мира, с телефоном, рассказывающим сказки, – одно из приятнейших мест на свете. К тому же мне страшно хотелось погладить кого-нибудь по голове, на худой конец пожать кому-нибудь руку – и чтобы при этом мы проникновенно заглянули друг другу в глаза.

Я в обе щеки расцеловал бы злейшего врага. Распльвшееся масло шипело, дымило, и плоская поминутно гасла; то, что «масло» рифмуется с «погасло», вызвало у меня прямо-таки пароксизм смеха, хотя как раз в эту минуту я обжег себе пальцы, пытаюсь снова зажечь бумажный фитиль. Самодельный светильник едва теплился, а я мурлыкал себе под нос арии из старых оперетт, не замечая, что от чада першит в горле и слезы струятся из воспаленных глаз. Вставая, я упал и ударился лбом о чемодан, но шишка величиной с яйцо лишь улучшила мое настроение, насколько это было еще возможно. Почти удушенный едким, вонючим дымом, я прямо-таки покатывался со смеху в приступе беспричинной восторженности. Потом лег на кровать, не застеленную с утра, хотя было далеко за полдень; о нерадивой прислуге я думал как о собственных детях: кроме ласковых уменьшительных прозвищ и нежных словечек, ничего не приходило мне в голову. А если я задохнусь? Ну что ж – о такой милой, забавной смерти можно только мечтать. Эта мысль, совершенно чуждая моему душевному складу, подействовала на меня, как ушат холодной воды. Мое сознание удивительным образом расщепилось. В нем по-прежнему царила тихая умиротворенность, безграничное дружелюбие ко всему на свете, а руки до такой

степени рвались погладить кого ни попадя, что за отсутствием посторонних я принялся бережно гладить по щекам и с нежностью потягивать за уши себя самого; кроме того, я несколько раз подавал левую руку правой – для крепкого рукопожатия. Даже ноги тянулись кого-нибудь приласкать. Но где-то в глубине сознания вспыхивали сигналы тревоги. «Здесь что-то не так, – кричал во мне приглушенный, далекий голос, – смотри, Ййон, в оба, берегись! Благодушие твое подозрительно! Ну, давай же, смелее, вперед! Не сиди развалившись, как Онассис какой-нибудь, весь в слезах от дыма и копоти, с лиловой шишкой на лбу, одурманенный альтруизмом! Не иначе это какой-то подвох!» Тем не менее я и пальцем не шевельнул. В горле у меня пересохло, а сердце колотилось как бешеное – не иначе как от нахлынувшей на меня вселенской любви. Я побрел в ванную, изнемогая от жажды; вспомнил о пересоленном салате, которым потчевали нас на банкете (если шведский стол можно назвать банкетом); потом представил себе для пробы господ Я.В., Г.К.М., М.В. и других моих злейших врагов и понял, что желаю лишь одного: братски пожать им руки, сердечно расцеловать и обменяться парой дружеских слов. Это уж было слишком. Я застыл, держа одну руку на никелированном кране, а другой сжимая пустой стакан. Затем медленно набрал воды и, скривив лицо в какой-то странной гримасе – в зеркале я видел борьбу различных выражений собственного лица, – выплеснул воду в раковину.

ВОДА ИЗ-ПОД КРАНА! Да-да. После нее все и началось. Что-то такое в ней было! Яд? Но разве бывает яд, который... А впрочем, минутку... Ведь я – постоянный подписчик научных журналов и недавно читал в «Сайенс ньюс» о новых психотропных средствах из группы так называемых бенигнаторов (умилителей). Они вызывают беспричинное ликование и благодушие. Ну конечно! Эта заметка стояла у меня перед глазами. Гедонидол, филантропин, любинил, эйфоризол, фелицитол, альтруизан и тьма-тьмущая производных! Одновременно, путем замещения гидроксильных соединений амидными, из тех же веществ были синтезированы фуриазол, садистизин, агрессив, депрессин, амокомин и прочие препараты биологической группы; они побуждают избивать и тиранить все подряд, вплоть до неодушевленных предметов; особенно славятся врубинал и зубодробин.

Зазвонил телефон, и тут же включился свет. Голос портье торжественно и подобострастно приносил извинения за аварию. Я открыл дверь в коридор и проветрил номер – в гостинице, насколько я мог понять, царило спокойствие; потом, все еще в блаженном угаре, обуреваемый желанием благословлять и осыпать ласками, закрыл дверь на защелку, сел посреди комнаты и попытался привести себя в чувство. Очень трудно описать мое состояние. Любая трезвая

мысль словно увязала в меду, барахталась в гоголе-моголе глуповатого благодушия, утопала в сиропе возвышенных чувств, сознание погружалось в сладчайшую из трясин, захлебывалось жидкой глазурью и розовым маслом; я через силу заставлял себя думать о том, что для меня всего омерзительнее, – о бородатом головорезе с противоположной двустволкой, о разнузданных пропагандистах Освобожденной Литературы и их вавилоносодомском пиршестве, снова о господах Я.В., Г.К.М., М.В. и прочих прохвостах и негодях, – и с ужасом убедился, что всех я люблю, всем все прощаю; мало того, немедленно приходили на ум аргументы, извиняющие любое зло и любую мерзость. Могучая волна любви к ближнему захлестнула меня; но особенно донимали меня ощущения, которые лучше всего, пожалуй, назвать «позывом к добру». Вместо того чтобы размышлять о психотропных ядах, я упорно думал о сиротах и вдовах: с каким наслаждением я утешил бы их! Как непростительно мало внимания уделял я им до сих пор! А голодные, а убогие, а больные, а нищие – Боже праведный! Неожиданно я обнаружил, что стою на коленях перед чемоданом и выбрасываю его содержимое на пол в поисках вещей попрличнее – для неимущих.

И опять в подсознании зазвучали далекие голоса тревоги. «Берегись! Не дай себя заморочить! Борись, бей, спасайся!» – донесся откуда-то слабый, но отчаянный крик. Я буквально раздваивался. Я до того проникся кантовским категорическим императивом, что не обидел бы даже мухи. Какая жалость, что в «Хилтоне» нет мышей или хоть пауков, – я бы их пригрел, приласкал! Мухи, клопы, комары, крысы, вши – голубчики вы мои! Я торопливо благословил стол, лампу и собственные ноги. Но рассудок уже возвращался ко мне; не теряя времени, я ударил левым кулаком по правой руке, раздававшей благословения, и взвыл от боли. Да, это было недурно! Это, пожалуй, могло бы меня спасти! На мое счастье, позыв к добру был направлен не внутрь, а наружу: ближнему я желал несравненно лучшей участи, нежели себе самому. Для начала я несколько раз заехал себе по физиономии, да так, что захрустел позвоночник, а из глаз посыпались искры. Отлично, так вот и надо! Когда лицо совсем онемело, я принялся за лодыжки. Ботинки у меня, слава богу, были тяжелые, с чертовски твердой подошвой; после серии жестоких пинков мне стало немного лучше, то есть хуже. Я осторожно попробовал представить себе тумак в спину Г.К.М. Теперь это уже не казалось абсолютно невозможным. Щиколотки обеих ног нестерпимо болели, но, должно быть, как раз поэтому я смог вообразить даже пинок, адресованный М. В. Не обращая внимания на острую боль, я продолжал себя истязать. Тут годился любой остроконечный предмет; сперва я орудовал вилкой, а после булавкой, извлеченной из новой, ни разу не надеванной рубашки. Впрочем, мое настроение менялось не плавно, а с перепадами; чуть

позже я снова был готов взойти на костер ради ближнего, с новой силой прорвался во мне гейзер благородных порывов и жертвенного экстаза. Сомневаться не приходилось: ЧТО-то БЫЛО В ВОДЕ ИЗ-ПОД КРАНА! Да, да!!! В моем чемодане давно валялась непочатая упаковка снотворного. Оно приводило меня в злое и мрачное расположение духа, поэтому я им и не пользовался; хорошо хоть не выбросил. Проглотив таблетку, я заел ее почерневшим маслом (воды я страшился как дьявола), затолкал себе в рот две кофеиновые пастилки, чтоб не уснуть, сел и со страхом – но и с любовью к ближнему – стал ожидать исхода химической битвы в своем организме. Любовь еще насильовала меня, я чувствовал себя умиротворенным, как никогда. Все же препараты зла начали превозмогать химикаты добра: я по-прежнему был готов благодетельствовать, но уже с разбором. И то хорошо, хотя на всякий случай я предпочел бы побыть – недолго – последним мерзавцем.

Через четверть часа все как будто прошло. Я принял душ и вытерся жестким полотенцем, время от времени награждая себя зуботычинами – профилактики ради; заклеил пластырем избитые в кровь щиколотки и костяшки пальцев, пересчитал синяки (я и вправду разукрасил себя на совесть), надел свежую рубашку, поправил перед зеркалом галстук, одернул смокинг, напоследок заехал себе под ребро, для поднятия духа и для контроля, и вышел – в самую пору, чтобы успеть к пяти.

В отеле, вопреки ожиданию, все было как обычно. Я заглянул в бар – тот почти опустел; прислоненная к табурету, стояла папинтовка, две пары ног высывались из-под стойки, одна из них босая, но вряд ли причиной тому было альтруистическое самоотречение. Несколько динамитчиков дулись у стены в карты, еще один брэнчал на гитаре, мурлыча все тот же непристойнейший шлягер. Внизу, в холле, толпились футурологи. Они тоже спешили на заседание, впрочем, не выходя из отеля: конференц-зал находился в его цокольной части. Все это сначала меня удивило; по некотором размышлении, однако, я понял: в таком отеле воду из-под крана не пьют, жажду утоляют здесь кока-колой и швепсом, в крайнем случае – чаем, соками или пивом. К спиртному подается минеральная или содовая вода; а тот, кто имел несчастье совершить ту же ошибку, что я, теперь, наверное, корчится в судорогах вселенской любви, запершись у себя в номере. Поэтому, решил я, лучше даже не заикаться о своих ощущениях; я здесь человек чужой, кто мне поверит? Это всё, скажут, аберрации и галлюцинации. Чего доброго, примут за наркомана, дело обычное.

Впоследствии многие меня упрекали: я, дескать, выбрал тактику страуса или улитки; не промолчи я тогда, и все бы обошлось хорошо. Но это – очевидное заблуждение. Постояльцев отеля я, может, и предостерег бы, однако события в «Хилтоне» никак не влияли на политические перипетии Костариканы.

По пути в конференц-зал я набрал кипу местных газет – такая уж у меня привычка. Я, конечно, читаю не на всех языках, но по-испански человек образованный всегда что-нибудь разберет.

На возвышении красовалась повестка дня, обрамленная зеленью; первым пунктом шла глобальная урбанистическая катастрофа, вторым – катастрофа экологическая, затем – климатическая, энергетическая и продовольственная, после чего обещан был перерыв. Военная, технологическая и политическая катастрофы откладывались на другой день, вместе с дискуссией на свободные темы.

Докладчику отводилось четыре минуты – многовато, пожалуй, ведь было заявлено 198 докладов из 64 стран. Для экономии времени доклады надлежало изучить заранее, а оратор лишь называл цифры – номера ключевых абзацев своего реферата. Чтобы лучше усвоить эту премудрость, мы включили карманные магнитофоны и миникомпьютеры; между ними должна была завязаться потом основная дискуссия. Стенли Хейзлтон из США сразу ошеломил зал, отчеканив: 4, 6, 11, откуда следует 22; 5, 9, ergo[2 - следовательно (лат.).] 22; 3, 7, 2, 11, из чего опять же получается 22!!! Кто-то, привстав, выкрикнул, что все-таки 5 и, может быть, 6, 18, 4. Хейзлтон с лёту опроверг возражение, разъяснив, что так или этак – кругом 22. Заглянув в номерной указатель, я обнаружил, что 22 означает окончательную катастрофу.

Японец Хаякава сообщил о разработанной его соотечественниками модели жилого здания в восемьсот этажей – с родильными клиниками, яслями, школами, магазинами, музеями, зоопарками, театрами, кинозалами и крематориями; предусматривались подземные помещения для погребальных урн, телевидение на сорок каналов, опохмелители и вытрезвители, залы на манер гимнастических для занятий групповым сексом (свидетельство передовых убеждений проектировщиков), а также катакомбы для субкультурных групп нонконформистского толка. Любопытным новшеством было намеченное в проекте ежедневное переселение каждой семьи на другую квартиру – ходом либо пешком, либо коня, во избежание скуки и стрессов. Вдобавок это здание в 17 кубокилометров, стоящее на дне океана, а крышей достигающее стратосферы,

намечалось снабдить матримониальным компьютером садомазохистского образца (по данным статистики, пары садистов с мазохистками, и наоборот, наиболее устойчивы, ибо каждый партнер находит в другом то, что ищет), а кроме того, центром антисамоубийственной терапии. Другой японский делегат, Хакаява, продемонстрировал макет такого дома в масштабе 1:10 000, с собственными резервами кислорода, но без резервов продовольствия и воды, то есть с частично замкнутым циклом жизнеобеспечения. Все выделения, не исключая предсмертного пота, подлежали регенерации. Третий японец, Яхакава, зачитал список деликатесов, синтезируемых из выделений жильцов. Тут, между прочим, значились искусственные бананы, пряники, креветки, устрицы и даже синтетическое вино, которое, несмотря на свое не слишком благородное происхождение, не уступало, если верить докладчику, лучшим винам Шампани. По залу стали разносить пробные дозы в изящных бутылочках и паштетики в блестящей фольге, но футурологи не спешили пригубить вино, а паштетики потихоньку засовывали под кресло; я поступил так же. Первоначальный план, согласно которому дом-гигант снабжался пропеллерами (на случай коллективных воздушных экскурсий), – был отвергнут. Во-первых, потому, что таких домов для начала предполагалось изготовить 900 миллионов; во-вторых, подобные путешествия все равно не имели бы смысла. Даже если бы жильцы выходили на экскурсию из тысячи дверей сразу, они все равно никогда бы не вышли: прежде чем последний из них покинет здание, успеют подрасти родившиеся за это время младенцы.

Японцы, по-видимому, были от своего проекта в восторге. После них слово взял Норман Юхас из США и предложил семь методов борьбы с демографическим взрывом: уговоры, судебные приговоры, деэротизация, принудительная целибатизация, онанизация, строгая изоляция, а для упорствующих – кастрация. Каждая супружеская чета должна была просить разрешение на ребенка, а затем еще выдержать три экзамена – по копуляции, воспитанию и взаимному обожанию. Нелегальное деторождение объявлялось наказуемым, а повторное – каралось пожизненным заключением. К этому-то докладу и прилагались те миленькие проспекты и отрывные талоны, которые мы получили утром в числе материалов конгресса. Хэйлтон и Юхас предвидели появление новых профессий, как то: матримониальный осведомитель, запретитель, разделитель и затыкатель; проект нового Уголовного кодекса, в котором зачатие фигурировало в качестве тягчайшего из преступлений, был нам немедленно роздан. Тут случился прискорбный инцидент: с галереи для публики кто-то швырнул бутылку со взрывчатой смесью. «Скорая помощь» (она была тут как тут, укрытая в кулуарах) сделала свое дело, а служба наблюдения за порядком быстро прикрыла исковерканные кресла и останки ученых нейлоновым покрывалом с

жизнерадостными узорами; как видно, устроители заранее обо всем позаботились.

В паузах между докладами я попробовал читать местные газеты и, хотя испанский понимал с пятого на десятое, все же узнал, что правительство стянуло в город танковые части, поставило на ноги всю полицию и объявило военное положение. По-видимому, кроме меня, никто не догадывался о том, что творится за стенами «Хилтона». В семь объявили перерыв, чтобы участники могли подкрепиться – разумеется, за свой счет; возвращаясь в зал, я купил очередной экстренный выпуск официозной газеты «Насьон» и парочку экстремистских «вечерок». Даже при моем весьма приблизительном знании языка эти газеты показались мне необычными. Блаженно-оптимистические сентенции о христианской любви – залоге всеобщего счастья – перемежались угрозами кровавых репрессий и столь же свирепыми ультиматумами экстремистов. Такой разнобой объясняла одна лишь гипотеза: часть журналистов пила водопроводную воду, а прочие – нет. В органе правых воды, естественно, было выпито меньше; сотрудники оплачивались здесь лучше и за работой подкреплялись напитками подороже. Впрочем, экстремисты, хоть и не чуждые аскетизма во имя высших идеалов и лозунгов, тоже не слишком часто утоляли жажду водой, если учесть, что картсупио (напиток из перебродившего сока растения мелменоле) в Костарикане невероятно дешев.

Не успели мы погрузиться в мягкие кресла, а профессор Дрингенбаум из Швейцарии – произнести первую цифру своего доклада, как с улицы послышались глухие взрывы; здание дрогнуло, зазвенели оконные стекла, но футурологи-оптимисты кричали, что это просто землетрясение. Я же склонялся к тому, что какая-то из оппозиционных группировок (они пикетировали отель с самого начала конгресса) бросила в холл петарды. Меня разубедил еще более сильный грохот и сотрясение; теперь уже можно было различить стаккато пулеметных очередей. Обманываться не приходилось: Костарикана вступила в стадию уличных боев. Первыми сорвались с места журналисты – стрельба подействовала на них, как побудка. Верные профессиональному долгу, они помчались на улицу. Дрингенбаум попытался продолжить свое выступление, в общем-то довольно пессимистическое. Сначала цивилизация, а после каннибализация, утверждал он, ссылаясь на известную теорию американцев, которые подсчитали, что, если ничего не изменится, через четыреста лет Земля превратится в шар из человеческих тел, разбухающий со скоростью света. Однако новые взрывы заставили профессора замолчать.

Футурологи в растерянности выходили из зала; в холле они смешались с участниками Конгресса Освобожденной Литературы, которых, судя по внешнему виду, начало боев застало в разгар занятий, приближающих демографическую катастрофу. За редакторами издательской фирмы А. Кнопфа шествовали их секретарши (сказать, что они неглиже, я не мог бы – кроме нательных узоров в стиле поп-арт, на них вообще ничего не было) с портативными кальянами и наргиле, заправленными модной смесью ЛСД, марихуаны, иохимбина и опиума. Как я услышал, адепты Освобожденной Литературы только что сожгли in effigie[3 - в изображении (лат.).] американского министра почты и телеграфа – тот, видите ли, приказал своим служащим уничтожить листовки с призывами к массовому кровосмешению. В холле они вели себя отнюдь не добропорядочно, особенно если учесть серьезность момента. Общественного приличия не нарушали лишь те из них, кто совершенно выбился из сил или пребывал в наркотическом оцепенении. Из кабин доносился истошный визг бедняжек телефонисток; какой-то толстобрюхий субъект в леопардовой шкуре и с факелом, пропитанным гашишем, бушевал между рядами вешалок, атакуя весь персонал гардероба. Портье с трудом утихомирили его, призвав на помощь швейцаров. С антресолей кто-то забрасывал нас охапками цветных фотографий, детально изображающих то, что один человек под влиянием похоти может сделать с другим, и даже гораздо больше. Когда на улице появились первые танки (их прекрасно было видно в окно), из лифтов повалили перепуганные филуменисты и бунтари; растаптывая эротические закуски, принесенные издателями и разбросанные теперь по холлу, постояльцы разбежались кто куда. Ревя, как обезумевший буйвол, и сокрушая прикладом своей папинтовки всех и вся, пробивался через толпу бородатый антипапист; он – я видел своими глазами – выбежал из отеля, чтобы немедля открыть огонь по пробегающим мимо людям. Похоже, ему, убежденному экстремисту крайнего толка, было все равно, в кого бы ни стрелять. Когда со звоном начали лопаться огромные окна, холл, оглашаемый криками ужаса и любострастия, превратился в сущее пекло. Я попробовал отыскать знакомых журналистов; увидел, что они бегут к выходу, и последовал их примеру – в «Хилтоне» и в самом деле становилось не очень уютно.

Несколько репортеров, припав к земле за бетонным барьерчиком автостоянки, усердно фотографировали происходящее, впрочем, без особой надежды на успех: как всегда в таких случаях, в первую очередь были подожжены машины с заграничными номерами, и над паркингом вздымались языки пламени и клубы дыма. Мовен из АФП, оказавшийся рядом со мной, потирал руки от удовольствия: он-то взял машину в прокатной конторе Херца и только посмеивался, глядя на свой полыхающий «додж». Большинство репортеров-американцев не разделяло

его веселья. Какие-то люди – по большей части бедно одетые старички – пытались сбить огонь с пылающих автомашин; воду они носили ковшиками из фонтана неподалеку. Уже здесь было над чем призадуматься. Вдали, в конце Авенида дель Сальвасьон и дель Ресурсксьон, поблескивали на солнце полицейские каски, но площадь перед отелем и окружавшие ее парки с высокими пальмами были безлюдны. Старички надтреснутыми голосами подбадривали друг друга, хотя их слабые ноги подкашивались; такой энтузиазм показался мне просто невероятным; но тут я вспомнил о происшествии у себя в номере и немедленно поделился своими предположениями с Мовеном. Стрекотание пулеметов, басовые аккорды взрывов затрудняли беседу; подвижное лицо француза выражало полное недоумение, затем его глаза заблестели. «А-а! – зарычал он, перекрывая уличный грохот. – Вода! Из-под крана? Боже мой, впервые в истории... тайная химиократия!» С этими словами он как ошпаренный помчался к отелю – разумеется, чтобы занять место у телефона: как ни странно, связь еще действовала.

Я остался стоять у подъезда; ко мне подошел профессор Троттельрайнер из делегации швейцарских футурологов, и тут произошло то, чего, собственно, давно уже следовало ожидать. Появились вооруженные полицейские – строем, в противогазах и черных касках, с черными нагрудными щитами; они оцепили весь комплекс «Хилтона», чтобы преградить путь толпе, которая выходила из парка, отделявшего отель от городского театра. Отряд особого назначения с немалой сноровкой устанавливал гранатометы; их первые залпы ударили по толпе. Взрывы были на удивление слабые, зато сопровождались целыми тучами белесого дыма. Слезоточивый газ, решил я; но толпа не бросилась врассыпную и не разразилась яростным воплем – ее определенно тянуло к этому дымному облаку. Крики быстро затихли, сменившись чем-то вроде хоральных песнопений. Журналисты, метавшиеся со своими камерами и магнитофонами между полицейским кордоном и входом в отель, не могли взять в толк, что здесь, собственно, происходит, но я-то уже догадался: полиция, несомненно, применила оружие химического ублагодворения в форме аэрозолей. Но от Авенида дель... – как там ее? – вышла вторая колонна, на которую эти гранаты почему-то не действовали, а может, так только казалось; как потом утверждали, колонна двигалась дальше, чтобы побрататься с полицией, а не разорвать ее на куски, но кого, скажите на милость, могли занимать подобные тонкости в обстановке полного хаоса? Гранатометчики ответили залпами, следом с характерным шипением и свистом отозвались водометы, наконец, застрекотали пулеметные очереди, и воздух загудел от пуль и снарядов. Дело приняло нешуточный оборот; я прижался к земле за барьерчиком автостоянки, словно за бруствером, и очутился между Стэнтором и Хейнзом из «Вашингтон пост».

В двух словах я обрисовал ситуацию, и они, отчитав меня за то, что сенсационную новость первым узнал репортер АФП, наперегонки поползли к «Хилтону», но вскоре вернулись разочарованные: связи не было. Стэнтор все же прорвался к офицеру, руководившему обороной отеля, и узнал, что вот-вот прилетят самолеты с бумбами, то есть с Бомбами Умиротворения и Благочиния. Нам приказано было очистить площадь, а полицейские, все как один, натянули противогазы со специальными адсорбентами. Нам их тоже раздали.

Троттельрайнер – волею случая он оказался еще и специалистом по психофармакологии – предупредил, чтобы я ни в коем случае не пользовался противогазом. При большой концентрации аэрозолей противогаз теряет защитные свойства: происходит «скачок» отравляющих веществ через адсорбент, и тогда в считанные секунды можно наглотаться ОВ больше, чем без противогаза; надежную защиту обеспечивает лишь кислородный аппарат. Поэтому мы отправились в регистратуру отеля, разыскали последнего оставшегося на посту портье и по его указаниям добрались до пожарного пункта. Действительно, здесь было полно кислородных аппаратов системы Дрегера, с замкнутым циклом. Обеспечив тем самым свою безопасность, мы вышли на улицу – как раз в ту минуту, когда пронзительный свист над нашими головами возвестил о появлении первых бумбардировщиков. Как известно, «Хилтон» по ошибке подвергся бумбардировке в первые же минуты воздушной атаки; последствия были катастрофическими. Бумбы, правда, попали лишь в дальнее крыло нижней части отеля, где на больших щитах размещалась выставка Ассоциации Издателей Освобожденной Литературы, так что никто из постояльцев не пострадал; зато охранявшей нас полиции не повезло. Через минуту после налета приступы христианской любви в ее рядах приняли повальный характер. На моих глазах полицейские, сорвав с себя маски противогазов, заливались слезами раскаяния. Они на коленях вымаливали прощение у демонстрантов, требовали, чтобы те хорошенько их вздули, и всовывали им в руки свои увесистые дубинки; а после второго захода бумбардировщиков, когда концентрация аэрозолей возросла, наперебой бросались ласкать и голубить каждого встречного. Восстановить ход событий, и то частично, удалось лишь через несколько недель после трагедии. Еще утром власти решили подавить в зародыше назревавший государственный переворот и ввели в водонапорную башню около 700 килограммов двуоксида азота и суперумилина с фелицитолом; подача воды в армейские и полицейские казармы была предусмотрительно перекрыта. Но все пошло насмарку из-за отсутствия толковых специалистов: не был предусмотрен «скачок» аэрозолей через фильтры, а также то, что разные социальные группы потребляют вовсе не

одинаковое количество питьевой воды.

Духовное просветление полиции оказалось особенно неожиданным для правительства потому, что бенигнаторы, как объяснил Троттельрайнер, действуют на людей тем сильнее, чем меньше были они подвержены естественным, врожденным благим побуждениям. Так что, когда вторая волна самолетов разбумбила президентский дворец, многие из высших полицейских и военных чинов покончили с собой, не в силах вынести кошмарных мучений совести. Если добавить, что генерал Диас, прежде чем застрелиться, велел открыть тюрьмы и выпустить политзаключенных, будет легче понять необычайную ожесточенность боев, развернувшихся с наступлением ночи. Но авиабазы, удаленные от столицы, не понесли никакого ущерба. Их командование имело свои инструкции, которым и следовало до конца, между тем как полицейские и армейские наблюдатели, укрытые в герметичных бункерах, видя, что творится вокруг, решили прибегнуть к крайнему средству, ввергнувшему весь Нунас в состояние коллективного помешательства. Обо всем этом мы в «Хилтоне», разумеется, не могли и догадываться.

Около одиннадцати вечера на театре военных действий, то есть на площади с прилегающими к ней парками, появились танковые части. Им было приказано сокрушить любовь к ближнему, овладевшую столичной полицией, и они выполняли приказ, не жалея снарядов. Ублагодворяющая граната разорвалась в метре от Альфонса Мовена; взрывной волной бедняге оторвало пальцы левой руки и левое ухо, а он заверял меня, что эту руку он давно считал лишней, об ухе и говорить нечего, и, если я захочу, он тут же пожертвует мне второе; он даже достал из кармана перочинный нож, но я деликатно обезоружил репортера и доставил в импровизированный лазарет. Здесь им занялись секретарши издателей-освобожденцев, ревушие в три ручья по причине химического перерождения. Они не только были застегнуты на все пуговицы, но и надели что-то вроде чадры, дабы не ввергнуть ближнего в искушение; те же, кого особенно проняло, остриглись, бедняжки, наголо! Возвращаясь из лазарета, я, на свою беду, встретил группу издателей и не сразу узнал их: они напялили старые джутовые мешки и подпоясались веревками, которые к тому же служили для самобичевания. Упав на колени, они наперебой просили меня смилостивиться над ними и хорошенько их отстегать за развращение общественных нравов. Каково же было мое изумление, когда, присмотревшись поближе, я узнал в этих флагеллантах сотрудников «Плейбоя» в полном составе, вместе с главным редактором! Он не позволил мне отвертеться – так его донимало раскаяние. Эти сукины дети хорошо понимали, что только я, благодаря кислородному аппарату, могу им помочь; в конце концов я уступил,

против собственной воли и лишь для очистки совести. Рука у меня затекла, дыхание под кислородной маской сбилось, я боялся, что не найду запасного баллона, когда этот кончится, а наказуемые, выстроившись в длинную очередь, с нетерпением ожидали своей минуты. Чтобы отвязаться от них, я велел им собрать эротические плакаты – взрыв бумбы в боковом крыле «Хилтона» (где размещался Centre erotico) разбросал их по холлу, уподобив его Содому и Гоморре. Они свалили плакаты в огромную грудку у входа в отель и подожгли. К несчастью, дислоцированная в парке артиллерия, приняв наш костер за какой-то сигнал, открыла по нему огонь. Я дал стрелкача – и в подвале очутился в объятиях мистера Харви Симворта, того самого, кто первым додумался переделывать детские сказочки в порнографические истории («Красная Шапочка-переросток», «Али-Баба и сорок любовников» и пр.), а потом сколотил состояние, перелицовывая мировую классику. Его метод был крайне прост: любое название начиналось со слов «половая жизнь» («...Белоснежки с семью гномами», «...Аладдина с лампой», «...Алисы в Стране чудес», «...Гулливера» и т. д., до бесконечности). Напрасно я отговаривался крайней усталостью. Он с рыданием в голосе упрашивал хотя бы пнуть его хорошенько. Делать нечего – пришлось подчиниться еще раз.

Я был так измотан, что едва дотащился до пожарного пункта, где, к счастью, нашлось несколько полных кислородных баллонов. На свернутом шланге сидел, углубившись в футурологические доклады, профессор Троттельрайнер, очень довольный, что выкроил наконец немного свободного времени, которого никогда не бывает у кочующего футуролога. Между тем бумбардировка продолжалась вовсю. При наиболее тяжелых формах поражения добротой (особенно жутко выглядел приступ вселенской нежности с ласкательными конвульсиями) профессор рекомендовал горчишники и большие дозы касторки в сочетании с промыванием желудка.

В пресс-центре Стэнтон Вули из «Геральд», Чарки и фоторепортер Кюнце, временно занятый в «Пари-матч», не снимая противогазов, играли в карты: из-за отсутствия связи им нечего было делать. Я присоединился к ним в качестве зрителя, и тут в пресс-центр влетел Джо Миссенджер, старейшина американской журналистики; он сообщил, что полиции розданы таблетки фуриазола для нейтрализации бенигнаторов. Ему не пришлось повторять это дважды – мы стремглав помчались в подвал, но вскоре выяснилось, что тревога была ложная. Мы вышли на улицу; не без сожаления я обнаружил, что отель стал десятка на два этажей ниже; лавина обломков погребла мой номер со всем, что там находилось. Зарево охватило три четверти небосвода. Здоровенный полицейский в шлеме гнался за каким-то подростком с криком: «Остановись,

ради бога, остановись, я же тебя люблю!» – но тот, как видно, не принимал его уверений всерьез.

Грохот понемногу стихал; журналистов разбирало профессиональное любопытство, и мы осторожно двинулись в сторону парка. Здесь при живейшем участии тайной полиции совершались черные, белые, розовые и смешанные мессы. Огромная толпа неподалеку горько рыдала; над ней возвышался плакат: «НЕ ЖАЛЕЙТЕ НАС, ПРОВОКАТОРОВ!» Судя по числу обращенных иуд, расходы правительства на их содержание были немалыми и, надо думать, отрицательно сказывались на экономическом положении Костариканы. Вернувшись к «Хилтону», мы увидели перед отелем еще одну толпу. Полицейские ищейки, уподобившись сенбернарам, выносили из бара самые дорогие напитки и раздавали их всем без разбора; в самом же баре фараоны и бунтари дружно горланили песни – попеременно подрывные и охранительные. Я заглянул в подвал, но сцены покаяний, ласканий и искренних излияний так на меня подействовали, что я поспешил на пожарный пункт, где рассчитывал найти профессора Троттельрайнера. К моему удивлению, он тоже нашел трех партнеров и резался с ними в бридж. Доцент Кецалькоатль пошел с козырного туза; это так разгневало Троттельрайнера, что он бросил карты. Мы начали его успокаивать; в дверь заглянул Чарки и сообщил о речи генерала Акильо, только что переданной по радио: генерал грозил утопить бунт в крови обычной бомбардировкой города. После недолгого совещания мы решили отступить на самый нижний, канализационный ярус «Хилтона», располагавшийся под бомбоубежищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

розыгрыши (англ.).

2

следовательно (лат.).

3

в изображении (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/stanislav-lem/futurologicheskiy-kongress>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)